

УДК 398.47(430)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-6-124-138

Агрессия ведьм и колдунов в преданиях Северной Германии XIX в.

Анна Е. Калкаева

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, kalkaeva@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вредоносные функции ведьм и колдунов, встречаемые в преданиях Северной Германии XIX в. Материалом для работы послужили сборники «Народные предания Померании и Рюгена» Й. Темме (1840), «Северонемецкие предания, сказки и обычаи Мекленбурга, Померании, Марки, Саксонии, Тюрингии, Брауншвейга» А. Куна и В. Шварца (1848), первая часть сборника «Предания, сказки и обычаи Мекленбурга» К. Барча (1879) и некоторые другие издания немецкого фольклора. В процессе исследования были выделены предполагаемые мотивации – причины, по которым ведьмы и колдуны, персонажи фольклорных текстов, могли проявлять агрессию по отношению к другим людям. Отмечается, что некоторые функции и мотивации, нередко приписываемые женским персонажам, – к примеру, *околдование чужой коровы* в первом случае и *мсть и желание обогатиться* во втором – могут быть свойственны также и мужским персонажам. Тем не менее поведение женщин-колдуний в подобных текстах часто можно назвать менее демонстративным, чем поведение мужчин-колдунов. Можно предположить, что подобное положение вещей связано с желанием женщин более тщательно оберегать свою репутацию добропорядочного члена общества.

Ключевые слова: ведьмы и колдуны, немецкий фольклор XIX в., предания, агрессия в фольклорных текстах

Для цитирования: Калкаева А.Е. Агрессия ведьм и колдунов в преданиях Северной Германии XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 6. С. 124–138. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-6-124-138

© Калкаева А.Е., 2024

Male and female witch aggression in 19th century *Sagen* of Northern Germany

Anna E. Kalkaeva

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
kalkaeva@mail.ru*

Abstract. The article focuses on the malicious functions of male and female witches in the North German legends of the 19th century. The research is based on the “Die Volkssagen von Pommern und Rügen” compiled by J.D.H. Temme (1840), the first volume of the “Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg” by K. Bartsch (1879), “Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, Pommern, der Mark, Sachsen, Thüringen, Braunschweig” by A. Kuhn and W. Schwartz (1848) and some other folklore collections.

The author highlights possible perceived motivations, i.e. reasons for the aggression of male and female witches towards other people. It is noticed that some functions and motivations that are frequently attributed to the female witches – for example, *bewitching a cow* in the first case, *the desire to enrich themselves* and *the desire for revenge* in the second case – can be attributed to the male characters. Nevertheless, the behavior of female characters can often be described as less demonstrative than the behavior of male characters. It can be assumed, that this state of affairs is related to women’s desire to protect their reputation as good members of society.

Keywords: male and female witches, North German legends, *Sagen*, aggression in folklore texts

For citation: Kalkaeva, A.E. (2024), “Male and female witch aggression in 19th century *Sagen* of Northern Germany”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 124–138, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-6-124-138

Многие фольклорные рассказы, *Sagen*, опубликованные в немецких сборниках XIX в., содержат сюжеты о ведьмах. Обычно подразумевается, что ведьма (*Hexe*) – это человек, который вступил с дьяволом в определенную связь, приобрел благодаря ей магические способности, но погубил тем самым свою душу. Как правило, *Hexensagen* – рассказы о ведьмах, в немецких фольклорных сборниках XIX в. повествуют в первую очередь именно о женщинах и в меньшей степени – о мужчинах-колдунах. Например, в первой части фольклорного сборника, изданного Карлом Барчем, женщины-ведьмы упоминаются в качестве самостоятельных акто-

ров приблизительно в 30 текстах, в то время как мужчины, совершающие магические действия, – приблизительно в 13 (подсчет по материалам, собранным непосредственно в рамках проекта Барча).

Отчасти такое положение дел в фольклорных сборниках может отражать события, происходившие в действительности. В ряде европейских стран, по известным данным, число обвиненных в колдовстве женщин значительно превышало число обвиненных в колдовстве мужчин. Согласно расчетам Рольфа Шульте, на севере и северо-востоке Священной Римской империи в 1480–1760 гг. мужчины, обвиненные в колдовстве, составляли приблизительно 14 процентов (ок. 600 человек) от общего числа жертв преследования, а на северо-западе – приблизительно 13 (ок. 200 человек)¹ [Schulte 2009a, p. 55]². Обычно таких мужчин называли *Hexenmeister* или *Hexenmänner* [Schulte 2009a, p. 55].

Задача статьи состоит в том, чтобы выделить и сопоставить вредоносные функции и, насколько это возможно, мотивировки, которые приписывали ведьмам и колдунам в текстах, опубликованных в фольклорных сборниках XIX в. В большинстве рассмотренных преданий мотивировки не прописаны, однако в некоторых случаях мы можем предположить, что подразумевалось в том или ином случае.

Основа исследования – предания, опубликованные в первой части сборника «Предания, сказки и обычаи Мекленбурга»³ К. Барча, в изданиях «Народные предания Померании и Рюгена» Й. Темме⁴, «Северонемецкие предания, сказки и обычаи Мекленбурга, Померании, Марки, Саксонии, Тюрингии, Брауншвейга» А. Куна и В. Шварца⁵ и некоторые другие. Всего в работе были рассмотрены

¹ Северо-запад: Липпе, Брауншвейг-Вольфенбюттель, Минден, Мюнстер, Шаумбург, Оснабрюк, Ферден. Северо-восток: Гольштейн, Саксен-Лауэнбург, Мекленбург, Передняя Померания (приводится по [Schulte 2009a, p. 70]).

² Согласно тому же источнику, процент мужчин, ставших жертвами обвинения в ведьмовстве, в других регионах был незначительно, но выше. По всей Священной Римской империи он составлял около 23,1. Как подчеркивает Р. Шульте, эти цифры – приблизительно, поскольку данные судебных процессов над ведьмами полны многочисленных пробелов [Schulte 2009a, pp. 54–55].

³ *Bartsch K.* Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg. 1–2. Bd. 1: Sagen und Märchen. Wien, 1879.

⁴ *Temme J.D.H.* Die Volkssagen von Pommern und Rügen. Berlin, 1840.

⁵ *Kuhn A., Schwartz W.* Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, Pommern, der Mark, Sachsen, Thüringen, Braunschweig, Hannover, Oldenburg und Westfalen. Leipzig, 1848.

64 текста из коллекций самих исследователей. Тексты, взятые собирателями из письменных источников – старых хроник и чужих собраний, не рассматривались. Для выделения сюжетных мотивов был задействован указатель С. Томпсона⁶.

Колдовство и ведьмовство

В немецких сборниках XIX в. колдовство обычно обозначается терминами *Hexerei*, *Zauberei* и *Schwarze Kunst*. Эти термины могут рассматриваться как синонимичные, но по отдельности они обладают разными смысловыми оттенками: см. определение *Hexerei* в словаре Пирера⁷ и *Schwarze Kunst* в словаре Мейера⁸.

Термин *Schwarze Kunst* употребляется несколько реже, чем два других. В сборнике Й. Темме он охватывает в том числе способность австрийского генерала оставаться неуязвимым: шведский солдат убивает его унаследованной серебряной пуговицей, от которой «никакое черное искусство не может защитить» (текст 244)⁹.

Слово *Hexerei* обычно имеет негативный оттенок. В словаре Пирера первое определение этого понятия – «зло, совершенное ведьмами»¹⁰. Женщину-ведьму, соответственно, могут называть *Hexe*, а мужчину – *Hexenmeister*. Как правило, *Hexerei* подразумевает заключение контракта с дьяволом, с помощью которого человек получал способности, иначе ему недоступные¹¹. В иных преданиях, однако, человек приобретал эти способности не через личный контакт с дьяволом, но пройдя обучение у другого магического специалиста. Впрочем, преемственность знаний не исключает взаимодействия с дьяволом.

⁶ *Thompson S.* Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/thompson/index.htm> (дата обращения 25 апреля 2024).

⁷ *Hexerei* // *Pierer's Universal-Lexikon*. Bd. 8. Altenburg, 1859. S. 357.

⁸ *Schwarze Kunst* // *Meyers Großes Konversations-Lexikon*. Bd. 18. Leipzig, 1909. S. 120.

⁹ *Temme J.D.H.* Die Volkssagen von Pommern und Rügen. Berlin, 1840. S. 288.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ В других случаях он может таким образом приобретать духа-помощника.

В сборниках, составляющих базу этого исследования, термин *Hexen* употребляется скорее в отрицательном смысле. Вместе с этим в других фольклорных собраниях *Hexenmeister* может выступать как магический специалист, полезный обществу: так, в тексте 313 сборника Мюлленгофа «Предания, сказки и песни герцогств Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург» *Hexenmeister* с острова Зильт помогает опознать воров и в некоторых случаях вернуть украденное¹².

Слово *Zauberei* может порой трактоваться шире и подразумевать взаимодействие со сверхъестественными силами вообще, а не только именно с дьяволом¹³. Этот термин встречается и в тех случаях, когда поступок человека, умеющего колдовать, рассматривается скорее с положительной стороны: в тексте 14 сборника Куна и Шварца девушка, знающая колдовство (*Zauberei*), сумела навсегда заточить преследовавшего ее разбойника, «сжав целый замок в одну крупную каменную глыбу»¹⁴.

В некоторых преданиях вредоносные действия магического характера могут не оформляться терминологически, что, конечно, не мешает издателям отнести рассказ к той или иной графе в указателе сборника – скажем, *Zauberei* или *Hexerei*. Иногда магическими навыками обладают персонажи, которые не наносят вред обычным людям, но, напротив, способны противостоять вредоносной магии. Порой, однако, и сами они представляют некоторую опасность для окружающих.

Наконец, сделаем предупреждение: в статье не рассматриваются тексты о людях, способных превращаться в волков, как не рассматриваются и тексты о вальридерске и марах, нередко разделяющих с ведьмами некоторые функции, – к примеру, в сборнике А. Куна и В. Шварца [Калкаева 2023]. Другая категория персонажей, оставшаяся за рамками исследования, – «мудрые люди», помогающие пострадавшей стороне справиться с последствиями вредоносных действий. Исключение было сделано лишь для Старого Шеффена, действия которого могут быть соотнесены с мотивом «колдун портит свадьбу» (Bartsch 301)¹⁵.

¹² *Müllenhoff K.* Sagen, Märchen und Lieder der Herzogthümer Schleswig, Holstein und Lauenburg. Kiel, 1845. S. 211.

¹³ *Zauberei* // *Pierer's Universal-Lexikon*. Bd. 19. Altenburg, 1865. S. 527–533.

¹⁴ *Kuhn A., Schwartz W.* Op. cit. S. 13.

¹⁵ Примеры восточнославянских сюжетов о колдунах, портящих свадьбу, см.: *Козлова Н.К., Степахина А.С.* Сюжеты восточнославянских мифологических рассказов о колдовстве на свадьбе // Сайт УНЦ ЦТСФ РГГУ. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova5.htm> (дата обращения 25 апреля 2024).

*Социальный портрет
и вредоносные функции ведьмы
в фольклорных сборниках XIX в.*

Социальный портрет ведьмы в немецких преданиях может быть весьма разнообразным. В сборнике Й. Темме колдовством занимается знатная дама Сидония фон Борк и ее знакомая *старая волшебница (alte Zauberin)* Вольде Альбрехтс¹⁶ (текст 246, основанный на источниках разного характера¹⁷), две жительницы городка Гриммен, одну из которых звали Мария Крюгер¹⁸, жена пономаря и некая жительница деревни (247).

В сборнике К. Барча ведьмы – жительницы сельской местности (в том числе знатные дамы и крестьянки); горожанки – жительницы Ростока; жены ткача, мельника и поденщика.

В сборнике А. Куна и В. Шварца ведьмами выступают жительницы сельской местности (в том числе и состоятельные, и нередко замужние крестьянки), жена мельника, горожанки – жительницы Гослара. В ряде текстов социальная принадлежность ведьм не ясна, поскольку они описываются лишь как участницы шабаша.

Рассмотрим вредоносные функции ведьм и затем – причины проявления их агрессии, то есть их мотивацию.

Во всех указанных выше текстах сборника Й. Темме описана казнь ведьм, однако конкретные злодеяния указаны только в случае Сидонии фон Борк. Фон Борк магическими методами лишила князьев, препятствовавших ее браку с герцогом, и их жен потомства. Оказавшись в монастыре, Сидония продолжила свои злодеяния, послав духа-помощника свернуть голову пастору, публично обличавшему ее несправедный образ жизни. Мимоходом упоминается, что жертвами Сидонии были и другие люди (246). Здесь можно предположить следующие мотивации: *желание отомстить князьям и обезопасить себя от публичных нападок.*

¹⁶ Дворянка из Померании С. фон Борк (Sidonia von Borcke, p. 1548) и В. Альбрехтс (Wolde Albrechts) действительно были обвинены в колдовстве и казнены в Щецине (современная Польша) в 1620 и 1619 гг. соответственно.

¹⁷ Приводим в сокращенном виде источники, указанные Й. Темме: Dähnert, Pommersche Bibliothek, Bd. 4, Bd. 5, St. 5; Ferner alle Pommersche Geschichtschreiter, и устно.

¹⁸ Вероятно, имеется в виду Анна Мария Крөгер (Anna Maria Kröger), казненная в Гриммене в 1696–1697 гг.

В нескольких текстах сборника К. Барча ведьмы наносят ущерб чужому хозяйству: дочь крестьянина крадет в доме жениха сало и сыр (129); одна крестьянка крадет масло у случайно встретившейся ей женщины (140), другая регулярно колдует, добывая у соседей молоко и масло (141.2). Ведьмы отнимают молоко у коровы, принадлежащей чужим людям (137), у коровы зятя (135); изменив облик, они пробираются в поле, чтобы околдовать чужих животных (155, 185), нападают на соседских лошадей (156). Здесь мы можем выделить мотивацию – *желание приумножить собственные богатства*.

Обратим внимание также на текст 141.1, в котором любопытно оформляется намерение колдуньи: «Одна ведьма охотно бы навредила жителям одного дома [...] Особенно она стремилась получить молоко коровы, выдоив его через стену»¹⁹. Здесь стремление *нанести вред* ставится впереди желания умножить богатства.

Помимо этого, ведьмы из преданий Мекленбурга вредят чужим детям. Жительница Ростока насылает вшей на соседского сына, побившего ее ребенка (136.1). Другая горожанка насылает болезнь на дочь мужчины, не желавшего отдать ее сыновьям свою доску (136.2) (G263.4 *Ведьма причиняет болезнь*). В этих текстах мы можем обозначить мотивацию агрессии как *желание отомстить*. Эту же мотивацию мы видим в тексте 268, когда в ответ на язвительный возглас отъехавшего подалее всадника ведьма направила в сторону мужчины струю воды, опалив таким образом волосы на крупе его лошади.

В нескольких преданиях ведьмы совершают массовые убийства, мотивация которых никак не обозначается. В тексте 125 кратко сообщается, что ведьма из Мельца «погубила многих, включая собственного сына»²⁰. Согласно другим сведениям, жертвой стала ее невестка²¹. Приняв кошачий облик, ведьмы убивают по ночам помощников мельника (G262.3 *Ведьма в облике животного убивает*; G262.3.2 *Ведьма в виде кошки приводит к смерти*). Так продолжается до тех пор, пока очередной оставшийся на мельнице человек не отрубает одной из кошек лапу (D702.1.1 *Кошачья лапа отрублена: рука женщины пропала*). После этого выясняется, что облик этой кошки принимала, согласно разным преданиям, дворянка, жившая неподалеку (272), помещица (278) и жена мельника (279). В тексте 148 жена дворянина, которому принадлежала мельница, по всей ви-

¹⁹ Bartsch K. Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg. Bd. 1. Wien, 1879. S. 120.

²⁰ Bartsch K. Op. cit. S. 110.

²¹ Ibid.

димости, занималась нападениями в одиночестве. Наконец, угрозу человеку могла представлять и старая деревенская женщина, обернувшаяся медведем (G211.2.1 *Ведьма в образе медведя*): повстречав в лесу охотника, она намеревалась его разорвать (153). Мотивации ведьм в этих текстах, как было сказано выше, не обозначены четко, однако в тексте 272 упоминается, что помощники мельника умирили именно в майскую ночь, когда у ведьм происходил шабаш. Вероятно, в этом случае будет уместно предположить, что мотивацией ведьм становилась *необходимость провести ритуал*, частью которого были убийства.

Не объяснены также намерения старой женщины, которую ранил в голову слуга крестьянина, пока та находилась в облике совы (G211.4.4 *Ведьма в образе совы*); до этого момента эта птица неоднократно попадалась ему кричащей на воротном столбе. Приняв человеческий облик, она призналась мужчине, что если бы он ее не ударил, «то ему пришлось бы плохо» (154).

Наконец, в тексте 125 ведьма препятствовала графу Кнуту (по другой версии – своему сыну) проехать в Мельц, где она жила: при каждой попытке у его коня выступал кровавый пот. Однако когда мужчине все же удалось проникнуть в общину, женщина была казнена. В качестве мотивации ведьмы в этом предании можно предположить *самозащиту*.

В сборнике А. Куна и В. Шварца ведьмы наносят урон хозяйству: в тексте 31 соседка отбирает молоко у чужой коровы (мотивация – *желание обогащения*). Ведьмы здесь также занимаются убийствами, в том числе и на собственной территории. Жена мельника в компании других ведьм, обернувшись кошками (G211.1.7 *Ведьма в образе кошки*), губит батраков на мельнице (225.1). Одна из трех собравшихся в доме ведьм говорит, что в этот день «настолько голодна, что не знает, как ей насытиться»²², после чего колдуньи решают убить соседского ребенка (G211.3 *Ведьма-каннибал*). Нож достает хозяйка дома, вынув его из ноги своего мужа: из-за этого ножа мужчина уже три года не мог подняться, при каждой попытке испытывая сильную боль. Вынимался же нож, по словам ведьмы, из ноги раз в год в Вальпургиеву ночь (32). Если мы можем назвать мотивацией для убийства ребенка *голод*, то необходимость причинять мужу подобную боль внутри текста никак не прописана, – как не прописана в тексте 31 мотивация регулярно убивать помощников мельника.

Несколько текстов в сборнике К. Барча описывают ведьминские собрания под открытым небом, довольно опасные для обычных

²² Kuhn A., Schwartz W. Op. cit. S. 25.

людей. В тексте 143.4 штормовой ветер сбрасывает с горы человека после того, как он по совету участницы шабаша плюнул в сидящего напротив. В другом предании в ногу слуги, желавшего посмотреть на ведьм, попал невидимый гвоздь (Bartsch 143.3). В иных случаях человек, оказавшийся на собрании ведьм, мог опасаться, что его отравят. Так, в тексте 33 сборника «Северонемецкие предания» о такой опасности помещику, случайно попавшему на подобную встречу, сообщил его слуга. В том же сборнике в тексте 337 мельник, принявший из рук ведьм кувшин, вылил его содержимое и ускакал вместе с сосудом прочь. Мотивация ведьм нанести человеку ущерб в этих преданиях неочевидна.

В других текстах человек подвергается опасности, следуя на шабаш за ведьмами. К примеру, герой с трудом добирается до места шабаша, перепутав магические слова (Kuhn, Schwartz 71, 154, 217.2), а на обратной дороге, нарушив запрет и заговорив, падает на середине пути вниз (G242.7. *Человек, летящий с ведьмами, делает ошибку и падает*) (Kuhn, Schwartz 154). Однако в последних случаях несчастья происходят с людьми без видимого желания или хотя бы ведома колдуний.

Альфред Виттман в диссертации 1933 г., посвященной образу ведьм в немецких *Sagen*, отдельно останавливается на следующих их типах: молочная и масляная ведьма, ветряная ведьма, меняющая погоду ведьма. Отдельно исследователь рассматривает феномен колдовства, вредоносного именно по отношению к людям²³. Все эти функции обладают негативными коннотациями: даже меняющая погоду ведьма может изменять ее в неблагоприятную сторону (G283 *Ведьма контролирует погоду*). Подобные колдуньи, как и ветряные, не встречаются в рассказах, которые будут рассмотрены ниже; однако в сборнике «Северонемецких преданий» в разделе «Обычай и суеверия» в тексте 290 говорится о вихре (мотив G242.2. *Полет ведьмы как вихрь*), внутри которого находится ведьма, способная насладиться человеку на лицо сыпь²⁴. В тексте 347 сборника К. Мюлленгоффа речь идет о ведьме, которая, помимо прочего, была способна управлять погодой²⁵.

²³ Wittmann A. Die Gestalt der Hexe in der deutschen Sage, Dissertation an der philosophischen Fakultät der Ruprecht-Karls-Universität Mannheim, Bruchsal: Buchdruckerei J. Kruse & Söhne, 1933.

²⁴ Kuhn A. Sagen, Gebräuche und Märchen aus Westfalen und einigen andern, besonders den angrenzenden Gegenden Norddeutschlands. Bd. 2. Leipzig, 1859. S. 93.

²⁵ Müllenhoff K. Sagen, Märchen und Lieder der Herzogthümer Schleswig, Holstein und Lauenburg. Kiel, 1845. S. 235–237.

Таким образом, в тех случаях, когда мотивация ведьмы прямо обозначена в тексте или кажется наиболее легкой для реконструирования, можно выделить следующие ее виды: *умножение собственного богатства, месть, самозащита*. Убийства могут быть мотивированы также *необходимостью соблюдать ритуал и голодом*, сочетающимся с отсутствием моральных ограничений.

В ряде случаев мотивация представляется более трудной для реконструкции. Ведьма порой может представлять опасность и для человека, оказавшему ей услугу. Так, в тексте 215.d сборника Л. Стракеряна «Суеверия и предания герцогства Ольденбург», груша, полученная крестьянином от женщины, которую он подвез, оказалась живой жабой²⁶. Учитывая подобные случаи, мы можем, вслед за А. Виттманом, аккуратно добавить в список следующую формулировку: *по злomu умыслу*²⁷.

Согласно некоторым другим преданиям, ведьма порой мучает людей, поскольку иначе и быть не может. Так, согласно тексту 317 сборника К. Мюлленгофа, «все ведьмы всегда должны мучить кого-то из своей семьи». Однако и в подобном случае у ведьм может быть какой-то выбор: недолюбливая зятя, колдунья предпочитает «особенно сильно навредить его дочери»²⁸.

Заметим, наконец, что не всегда ведьмы действуют агрессивно. Так, они могут принимать облик животного в каких-то других целях: для того, чтобы следить за мужем, будучи побуждаемыми ревностью; подглядывая за встречей пастуха и девушки, приносящей ему еду (в этом тексте мотивация ведьмы не была обозначена) (Bartsch 158, 157.1).

²⁶ Strackerjan. Aberglaube und Sagen aus dem Herzogtum Oldenburg. Bd. 1. 1867. S. 304–305; другие примеры: 215.f, 215.g.

²⁷ А. Виттман добавил эту формулировку, перечисляя мотивации ведьмы, крадущей масло или молоко (см.: Wittmann A. Die Gestalt der Hexe in der deutschen Sage, Dissertation an der philosophischen Fakultät der Ruprecht-Karls-Universität Mannheim, Bruchsal: Buchdruckerei J. Kruse & Söhne, 1933).

²⁸ Müllenhoff K. Sagen, Märchen und Lieder der Herzogthümer Schleswig, Holstein und Lauenburg. Kiel, 1845. S. 213–216. Примеч. к тексту в сборнике: «Из Шванзена, из Вильстера и из Дитмаршена».

*Социальный портрет
и вредоносные функции колдуна
в фольклорных сборниках XIX в.*

Перейдем к мужским персонажам, занимающимся колдовством в названных выше сборниках.

В «Северонемецких преданиях» мужчины – знатоки колдовства – в основном идентифицированные легендарные персонажи: маркграф Ганс, его учитель Шульц, генерал Шпарт²⁹, мельник Пумпфусс (*Pumpfuß*), «зукковский ключник» (*suckowsche Kammerherr*) – ученик Пумпфусса. Не идентифицирован некий крестьянин, успешно соревнующийся с камергером в вопросах магического искусства (66). Упомянем также в этом списке венецианцев, чьи магические предметы помогают им добывать сокровища Гарца.

В сборнике Й. Темме знатоки колдовства – мнимый и настоящий – упоминаются всего в двух преданиях, не заимствованных из письменных источников. Согласно тексту 244, магическими способностями обладал австрийский генерал Перузий (*Perusius*)³⁰, неуязвимый для пуль. В тексте 247 упоминается некий «набожный, мудрый человек», живший в деревне, заподозренный в колдовстве и затем невинно казненный.

В сборнике К. Барча мы встречаем иных персонажей: сверхъестественными способностями обладают бывший батрак (150), молотильщик (*Drescher*) (157.3), некий чужак-фокусник (151), пастух (152)³¹, житель сельской местности Старый Шеффин (301). Магическими практиками занимается также житель города Пархим, желающий стать «вольным» стрелком (305); отец-охотник побуждает к соответствующим действиям своего сына (304.4). Наконец, в тексте 302 готовность выполнять колдовские функции проявляет сын набожного проповедника.

Вернемся к сборнику А. Куна и В. Шварца. Из шести преданий, посвященных маркграфу Гансу, тот ведет себя агрессивно лишь в тексте 38.1: посчитав, что перенял уже все знания у своего учителя, маркграф решает разделаться с ним, зарядив оружие золотой пуговицей. Учитель, однако, ловит пуговицу, и маркграфу приходится смириться. В этом тексте мы можем выделить мотивацию – *жела-*

²⁹ Здесь может подразумеваться генерал-фельдмаршал О.К. фон Шпарт (Otto Christoph von Sparr, 1599 или 1605–1668 гг.).

³⁰ Имеется в виду генерал Л. Перузи (Lodovico Francesco Perusi, р. в 1590 г.).

³¹ Пастухи довольно часто считались знатоками колдовства (см., например, данные по Шлезвиг-Гольштейну [Schulte 2009b]).

ние превзойти учителя. Другие действия маркграфа, как и освещенные в том же сборнике действия генерала Шпарра, не несут в себе намеренной агрессии. Однако и первый, и второй заключили союз с дьяволом (по одной из версий маркграф научился колдовать именно так) и таким образом могли представлять угрозу для случайного человека. Крестьяне, последовав за волшебниками и едва уцелев, получили от последних предостережение: в будущем так делать не стоит (38.4 и 76).

Мельник Пумпфусс, согласно тексту 65, доставляет трудности в работе людям, не оказавшим ему должного гостеприимства. Здесь можно предположить мотивацию – *стремление наказать неучтивых людей.* О вредительстве же ученика Пумпфусса в сборнике никак не упоминается.

Других персонажей «Северонемецких преданий» – венецианцев, посещающих горный регион Гарц, – сложно назвать колдунами. Однако они определенно обладают некоторыми преимуществами перед местными жителями: знают, как увидеть с помощью волшебного зеркала сокровища, как открыть с помощью железного прута гору и вынести из нее часть скрывающихся в ней сокровищ (221.3, 4). Они хорошо платят своим проводникам, и здесь их агрессия проявляется подспудно: спрятанные богатства все равно остаются недоступны в полном объеме для других людей. Подразумевается, что венецианцы успешно покушаются на ресурсы, расположенные не на их земле, – их мотивацией выступает *желание обогащения.*

Перейдем к колдунам сборника К. Барча. Коровий пастух околдовывает корову поденщика, после чего та перестает давать молоко (152). Дальше развивается тот же сценарий, который можно неоднократно видеть в преданиях, где вредителем выступает ведьма: по совету знающего человека с определенным предметом продельваются манипуляции. Нанесший вред человек пытается войти в дом, но безуспешно; он умирает. Несмотря на то, что мотивация колдуна в тексте не проговаривается, мы можем здесь предположить *желание обогащения* – отнимание пастухом молока в свою пользу. О другом пастухе, обвиненном в зачаровывании коровы фрайгерра, которая стала доиться кровью, говорится в тексте 126. Пастух был казнен, будучи, однако, согласно преданию, невиновным.

Кратко рассмотрим другие тексты того же сборника.

О колдуне из Ланкена, бывшем когда-то батраком и взаимодействовавшем с дьяволом, говорят, что он околдовывал людей: однажды он таким образом заставил девушку танцевать на веревке, протянутой между деревьями (150). В этом тексте мотивация колдуна не обозначена. В следующем же предании говорится, как чужак-колдун околдовал в Лейсове разоблачившую его трюк

девушку: колдун начал играть на скрипке, девушка же стала кружиться. Когда она упала, ее руки и ноги были парализованы и остались такими до конца ее жизни (151). Здесь мы предполагаем мотивацию – *желание мести*.

В тексте 300 некий человек останавливает повозку из чистого озорства, демонстрируя свои умения товарищам. Извозчик, также владеющий магическим искусством, бьет по пальто, повешенному на повозку. Тем самым он и наказывает обидчика, ощущающего эти удары, и получает возможность освободиться.

В этом отношении любопытно взглянуть на два других предания, героем которых выступает Старый Шеффин. В тексте 297 он выступает как «борец с ведьмами» (*Hexenbanner*): помогает корове излечиться и демонстрирует ее хозяину ведьму, заколдовавшую животное. В тексте 301 поведение этого персонажа выглядит более сложным. Он оказывается замешан в конфликте двух крестьян. По просьбе «пострадавшей стороны» Старый Шеффин является на свадьбу «злого крестьянина» и раскалывает ему магическим способом голову. Затем Шеффин, не таясь, удаляется домой, заставляя гнавшихся за ним слуг застыть на какое-то время. Мотивация, которую мы можем здесь выделить, – *исполнение заказа пострадавшей стороны*.

В предании 302 сын священника спрашивает отца, следует ли ему изменить погоду, вызвать мышей и, наконец, сделать так, чтобы умерла соседская корова? Первые две угрозы воплотились в жизнь, и, услышав последнее предложение, отец схватил лежавший неподалеку нож и убил сына. Здесь, однако, у аудитории нет возможности догадаться, откуда у ребенка появились подобные знания. Мотивация мальчика также неочевидна.

В конце параграфа заметим, что несколько преданий, опубликованных в сборнике К. Барча, не исключают присутствия на ведьминских собраниях мужчин – равноправных участников, характеризуя веселящихся как «большую толпу людей» (143.4), «множество людей» (145), «компанию», среди которых пастух замечает «своих друзей и знакомых» (146). Эти встречи также несут опасность: рассказавший о встрече человек умирает (145, 146). В тексте 145 некий человек (не исключено, что им был дьявол, согласно заглавию принимавший участие во встрече ведьм)³² предупреждает возвращающегося домой случайного зрителя, что тому не следует рассказывать об этом происшествии. Однако в этих текстах не упоминается колдун, нанеший конкретный вред обыкновенному человеку.

³² Заглавие текста: «Дьявол как музыкант».

Таким образом, в рассмотренных текстах мы предполагаем следующие виды мотивации: желание умножить богатство, намерение приобрести сверхъестественные способности, самозащита, желание отомстить, стремление наказать неучтивых людей, желание превзойти учителя, демонстрация собственных навыков (хвастовство), исполнение заказа пострадавшей стороны. В ряде текстов, однако, мотивации выделить не удалось.

Заключение

В немецких *Sagen* из рассмотренных сборников вредоносные функции, приписываемые мужчинам-колдунам, могут пересекаться с вредоносными функциями ведьм. Сюда относятся в том числе овладение молоком, нанесение вреда чужим животным, изменение погоды.

Совпадают и некоторые выделенные в статье мотивации подобных злонамеренных действий: в том числе это желание умножить свое богатство, отомстить.

И мужчинам, и женщинам приписывают вредоносные функции, мотивация которых отнюдь неочевидна. И первым, и вторым в этом отношении свойственно злокозненное колдовство, но массовые убийства, как правило, происходящие тайно, в рассмотренных преданиях ассоциируются прежде всего с женщинами.

Отметим и то, что некоторые мотивации в рассмотренных текстах, свойственные мужчинам-колдунам, но не женщинам-ведьмам, а именно: *желание превзойти учителя и демонстрация собственных навыков (хвастовство)*, могут быть объединены понятием *тщеславие*. Демонстративность свойственна и действиям «борца с ведьмами» Старого Шеффина, открыто расправляющегося со «злым» крестьянином. Действия Шеффина маркируют его особый статус, недоступный другим «мудрым людям» (в том числе и женщинам).

Поведение женщин в этих текстах менее демонстративно, чем поведение мужчин. Можно предположить, что предания Северной Германии отражают желание сохранить репутацию добропорядочных членов общества, сильнее развитое среди первых, чем среди вторых.

Литература

Калкаева 2023 – *Калкаева А.Е.* Социальный образ женщины в немецкой несказочной фольклорной прозе XIX в. (на примере сборника А. Куна и В. Шварца “*Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, Pommern,*

- der Mark, Sachsen, Thüringen, Braunschweig”) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 6. С. 83–99.
- Schulte 2009a – *Schulte R.* Men as accused witches in the Holy Roman Empire // *Witchcraft and masculinities in Early Modern Europe* / Ed. by A. Rowlands. L.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 52–73.
- Schulte 2009b – *Schulte R.* Man as witch: Male witches in Central Europe. L.: Palgrave Macmillan, 2009. 325 p.

References

- Kalkaeva, A.E. (2023), “Social image of the women in German Sagen of 19th century (‘Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, Pommern, der Mark, Sachsen, Thüringen, Braunschweig’)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 83–99.
- Schulte, R. (2009a), “Men as accused witches in the Holy Roman Empire”, in Rowlands, A., ed., *Witchcraft and masculinities in Early Modern Europe*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 52–73.
- Schulte, R. (2009b), *Man as witch: Male witches in Central Europe*, Palgrave Macmillan, London, UK.

Информация об авторе

Анна Е. Калкаева, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия; 117418, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21; kalkaeva@mail.ru

Information about the author

Anna E. Kalkaeva, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; 51/21, Nakhimovskii Av., Moscow, Russia, 117418; kalkaeva@mail.ru